
ОСОБЫЙ АРХИВ
ПРИГОВОР БЕЗ СРОКА
ТАИСИЯ ВЕТРОВА

Таисия Ветрова
Приговор без срока

https://litres.ru/74776787
SelfPub; 2026

Аннотация

Старший следователь Глеб Ставицкий выезжает в тюремную больницу к умирающему заключённому. Леонид Орлов отсидел двадцать лет за сокрытие тела похищенного подростка и называет имя заказчика — политика и мецената Евгения Морозова. Но срок давности истёк, доказательства уничтожены, а закон защищает того, кто считает себя выше любого приговора. Ставицкий не может возбудить дело. Профайлер Вера Корф составляет психологический портрет Морозова и готовит провокацию, рискуя собой.

В Заречинске вокруг мецената начинаются «несчастные случаи», зеркально повторяющие детали старого преступления. На благотворительных вечерах и в безысходности тюремной больницы сближаются блеск и гниение. Ставицкий связан буквой закона, а Морозов открыто насмехается над следствием.

Кто стоит за новыми покушениями? И готов ли следователь переступить границу, когда вина очевидна, а закон бессилен?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 23
Глава 3 41
Глава 4 58
Глава 5 74
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Таисия Ветрова
Приговор без срока

Глава 1
Последнее признание Орлова

Звонок поступил в два часа сорок.

Глеб Ставицкий положил трубку и посмотрел на часы на стене. Спать не ложился. Сидел за столом в кабинете Особого архива. Перед ним лежал закрытый том с пометкой «Похищение. 1999 год». Дело двадцатилетней давности. Леонид Давыдович Орлов уже отсидел двадцать лет. Теперь умирал в тюремной больнице и хотел увидеть следователя.

Ставицкий надел пальто, взял портфель и вышел на улицу. В Заречинске шёл мокрый снег. Фонари освещали дорогу ровным, жёлтым светом. Он сел в машину и выехал за город.

Дорога занимала около часа. Шоссе было пустым. Впереди мелькали опоры освещения, затем тёмный лес. Ставицкий держал руки на руле и думал о том, что прошло двадцать лет.

Тогда ему было тридцать один год. Молодой следователь. Похитили четырнадцатилетнего подростка. Выкуп требовали. Мальчика нашли мёртвым в лесополосе за городом. Тело

было спрятано так, чтобы его не обнаружили сразу. Орлова задержали через месяц. Он признался, что помог скрыть тело. Сказал, что действовал по чужому указанию. Следствие не нашло заказчика. Орлова приговорили к лишению свободы. Том закрыли и отправили в архив.

В архивной комнате пахло старой бумагой и типографской краской. Ставицкий помнил, как укладывал том на полку. Красная нить. Закрытая обложка. Подпись следователя. Двадцать лет никто не трогал это дело. Срок давности истёк. Если Евгений Валентинович Морозов был заказчиком, он юридически неприкосновен. Ставицкий знал это ещё до выезда. Но'Orlov звонил сам. Просил следователя. Значит, есть что-то ещё.

Он приехал к тюремной больнице рано утром. Серое здание с решётками на окнах. Прошёл оформление в пропускном пункте. Предъявил служебное удостоверение. Вписал фамилию в журнал. Сдал телефон в ячейку. Проверили портфель. Сопровождающий сотрудник провёл его по коридору. Пахло дезинфицирующими средствами и чем-то сладковатым.

— Палата номер шесть, — сказал сотрудник. — Орлов, Леонид Давыдович. Состояние тяжёлое. Не надолго.

Ставицкий кивнул. Дверь в палату была приоткрыта. Внутри стояла кровать, тумбочка, окно с решёткой. На кровати лежал мужчина. Бледный. Рука с капельницей. Дыхание частым, поверхностным. На груди — форма заключённого,

выцветшая.

Сторож стоял у двери. Ставицкий прошёл к кровати и сел на стул.

— Леонид Давыдович, — сказал он. — Глеб Ставицкий. Старший следователь Особого архива. Вы вызывали меня.

Орлов открыл глаза. Голос был слабым, почти шёпотом.

— Знаю, кто вы. Двадцать лет ждал этого момента.

— Вы знаете, зачем я приехал.

— Знаю. Хотите узнать правду о теле.

— Я хочу узнать всё, — сказал Ставицкий. — Тогда и теперь.

Орлов закрыл глаза на мгновение. Потом открыл.

— Тогда я прятал тело. Я не убивал мальчика.

Первое признание. Ставицкий выпрямился в кресле.

— Кто приказывал?

— Деньги заплатили. Много. Тогда это казалось разумным.

— Имя.

Орлов покачал головой. Дыхание стало чаще.

— Не сейчас. Слишком рано. Я умираю, Глеб. Не дадите мне умереть в покое, если я назову имя сейчас.

— Я не обещаю покоя. Я обещаю протокол.

— Протокол не лечит, — прошептал Орлов. — Я спрятал тело в лесополосе. Там, где нашли. Я не стрелял. Я не резал. Я не наносил ударов.

Ставицкий посмотрел на руки заключённого. Тонкие. С

пятнами от капельниц.

— Правда, — сказал Орлов. — Прятал. По чужому указанию. Это всё, что могу сказать сейчас.

— Почему сейчас?

— Потому что срок давности истек, и вы не можете тронуть того, кто заказывал.

Ставицкий помолчал. В палате слышно было только шум вентилятора и скрип кровати.

— Вы знаете о сроке давности?

— Знаю. Двадцать лет. Все знают.

— Вы уверены, что не убивали?

— Уверен. Я лишь следовал инструкции. Куда положить. Как прикрыть. Чтобы не нашли сразу.

— А кто дал инструкцию?

Орлов потёр губы языком.

— Не спрашивайте об этом еще. Сначала выслушайте меня до конца. Тогда решите, что делать.

— Я следую закону, — сказал Ставицкий. — А закон сейчас на стороне того, кто приказывал.

— Значит, вы пришли зря? — прошептал Орлов. — Или я пришёл к вам зря?

— Я пришёл, потому что вы вызвали.

— Вы вызваны мёртвым человеком. Это ваша участь.

Ставицкий встал. Подошёл к окну. За решёткой виднелся дворик. Снег таял. Он повернулся к кровати.

— Если вы назовете имя, я зафиксирую показания.

— Зафиксируете. И что? Срок истек. Меня не вернуть. Его не посадить. А меня не увести.

— Я не могу пообещать ничего.

— Не обещайте. Просто слушайте.

Орлов закрыл глаза. Дышал чаще. Ставицкий снова сел.

— Начнём с того, что вы помните о дне похищения, — сказал следователь. — С вашего разрешения, я запишу.

— Пишите, — прошептал Орлов. — Пишите всё.

— В какой день вы впервые увидели тело?

— Ночь. Снег шёл. Меня подвезли к месту.

— Кто подвез?

— Машина. Чёрная. Номер не запомнил.

— Куда привезли?

— В лесополоту. Там была яма. Я положил тело. Прикрыл ветками.

— Один?

— Один. Инструкции были четкими. Не оставлять следов. Не говорить никому.

— Сколько заплатили?

— Конверт с деньгами. Пять тысяч. Тогда это были большие деньги.

— Кто передал конверт?

— Посредник. Мужчина. В кожаном пальто. Лицо не запомнил.

— Вы никогда не видели заказчика?

— Нет. Только посредника.

— Заказчик не приезжал?

— Нет.

— Вы знали, кто заказывал?

— Подозревал. Но не знал точно.

— А теперь знаете?

Орлов замолчал. Поднял руку, прикрыл глаза ладонью.

— Теперь знаю. Но называть имя не буду. Пока не будет гарантии.

— Какая гарантия?

— Что вы не поведете дело дальше. Что вы оставите меня в покое.

— Я не могу дать такой гарантии.

— Тогда я ничего не скажу.

— Вы уже сказали главное. Вы прятали тело по чужому указанию.

— Это не достаточно для приговора.

— Для старого приговора — достаточно. Но срок истек.

— Вы понимаете, что я сказал?

— Понимаю.

Орлов снова открыл глаза. Посмотрел прямо на Ставицкого.

— Я не убийца, Глеб. Я лишь грузчик. Я переносил тело из машины в яму. Больше ничего.

— Это ваше первое признание.

— Первое. Не последнее. Я умираю. Мне нужно выговориться.

— Я слушаю.

Орлов начал рассказывать подробности. Дата. Время. Приметы машины. Место, где оставили конверт. Ставицкий слушал и мысленно вносил данные в протокол. Каждая фраза заключённого была обрывистая. Паузы между словами увеличивались.

— Вы записываете? — прошептал Орлов.

— Записываю, — ответил Ставицкий.

— Тогда помните. Тело было уже холодным. Я не трогал его живым. Я не видел его живым.

— Кто убил мальчика?

— Я не знаю.

— Вы не врали тогда, когда следователи спрашивали?

— Врал. Говорил, что не знал ничего. Боялся. Теперь не боюсь. Смерть ближе, чем тюрьма.

— Смерть уже здесь, — сказал Ставицкий.

— Да.

— Почему вы вызвали именно меня?

— Потому что вы из Особого архива. Вы знаете дело. Вы можете закрыть его правильно.

— Я не могу закрыть дело, если срок истек.

— Можно закрыть в голове. Можно закрыть в сердце.

Ставицкий взглянул на окно. Снег шёл всё сильнее. За решёткой было бело и тихо.

— Если я зафиксирую ваши показания, они не приведут к обвинению, — сказал он.

— Я не прошу обвинения. Я прошу внимания. Послушайте старую историю до конца.

— Я слушаю.

Орлов замолчал на минуту. Дыхание стало хриплым. Ставицкий встал и подошёл ближе к кровати.

— Продолжайте, — сказал он.

Орлов открыл рот, но звука не вышло. Он закрыл глаза. Рука на одеяле слегка дрогнула.

— Леонид Давыдович, — сказал Ставицкий. — Вы еще с нами?

Заключённый открыл глаза. Посмотрел на потолок.

— Я с вами. Но сил мало.

— Тогда скажите главное. Кто приказывал прятать тело?

Орлов покачал головой.

— Не сейчас. Сначала пусть будет тишина. Я хочу услышать тишину, Глеб. Больше ничего.

Ставицкий сел обратно на стул. Смотрел на лицо заключённого. Бледное. Измождённое. Оно принадлежало человеку, который отсидел двадцать лет за чужое преступление.

— Я вернусь, — сказал следователь.

— Вернитесь. Я буду здесь. Пока не уйду.

— Вы называли имя заказчика?

— Нет.

— Тогда это не конец.

— Это начало, — прошептал Орлов. — Начало конца.

Ставицкий встал. Кивнул. Подошёл к двери. Сторож от-

крыл.

— И ещё одно, — сказал Орлов из кровати. — Срок давности не спасёт его от меня. Даже если я умру.

Ставицкий остановился на пороге.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что правда не всегда нужна для приговора. Иногда она нужна для памяти.

— Вас будут помнить, — сказал Ставицкий.

— Меня не будут помнить. Меня забудут. А его будут помнить. Долго.

Ставицкий вышел в коридор. Закрыл дверь. Шум вентилятора остался за стенами. Он пошёл к выходу, прошёл мимо пропускного пункта, сел в машину.

Снег шёл всё время. Дорога обратно занимала столько же времени. Ставицкий смотрел на дорогу и думал о том, что знает имя, но не может его назвать. Что заключённый признался, но закон не даёт права действовать. Что закрытый том в архиве так и останется закрытым.

Что закрытый том в архиве так и останется закрытым.

Ставицкий завел машину и тронулся к выезду, но после первых метров остановил двигатель. Снег шёл ровно так же, как и двадцать лет назад, когда его впервые вызвали по этому делу. Двор тюремной больницы был пуст. Фонари освещали только мокрый асфальт у подъезда. Ставицкий смотрел на окно палаты на втором этаже. В нём горел тусклый свет, и за стеклом двигалась тень — либо сторож, либо медсестра.

— Я ушёл, — подумал он. *— А имя так и не услышал.*

Постучали в стекло водительской двери. Ставицкий опустил стекло. Сторож в серой форме стоял на улице, прижав к груди шапку. Дышал паром.

— Орлов вызывает, — сказал сторож. — Говорит, не уходите.

— Он только что сказал, что хочет тишины, — отозвался Ставицкий.

— Состояние ухудшилось. Дышит с трудом. Но при вас хочет сказать главное.

Ставицкий выключил двигатель. Вышел из машины. Застегнул пальто до подбородка. Мокрый снег лип к ресницам. Он прошёл мимо пропускного пункта. Сторож открыл дверь. Лестница на второй этаж была бетонной, с обшарпанными перилами. Ставицкий поднимался медленно, отдыхая на каждой площадке.

Палата пахла йодом, старым бельём и чем-то сладким, похожим на гниль. Вентилятор под потолком гудил без остановки. Орлов лежал на спине, глаза открыты, губы сухие. Рука на одеяле слегка дрожала. На кровати стояла пластиковая бутылка с водой, половина которой была выпита.

— Возвращаетесь, — прошептал Орлов. — Хорошо.

— Я пришёл, потому что вы позвали, — сказал Ставицкий.

— Я позвал, потому что срок не ждет. Я не жду.

Орлов попытался приподняться, но рука ослабла и упа-

ла обратно на одеяло. Ставицкий подошёл ближе. Кровать скрипела. Пахло потом и лекарствами.

— Вы спрашивали имя, — сказал Орлов. — Теперь я назову его.

— Записываю, — ответил Ставицкий. Достал блокнот и ручку. Сел на стул у кровати.

— Евгений Валентинович Морозов. Это он заплатил. Это он дал указание.

Ставицкий повторил про себя, внося в блокнот:

— Морозов. Евгений Валентинович. Меценат?

— Политик. Ближайшее время. Двадцать лет назад он был менее известен, но деньги у него уже были.

— Заказчик похищения, — уточнил Ставицкий.

— Заказчик скрытия тела. Я не убивал.

— Вы уже говорили об этом.

— Тогда я не знал имени. Теперь знаю. И теперь могу умереть.

Ставицкий посмотрел на руки заключённого. Тонкие, с пятнами от капельниц, как и раньше. Кожа серо-бурая, с синяками от уколов. Дыхание'Orlov became wheezing.

— Когда вы поняли, кто заказывал? — спросил следователь.

— После. Через месяц. Посредник в кожаном пальто вернулся. С конвертом. И с бумагой. На бумаге была фамилия. Морозов.

— Где эта бумага?

— Сожжена. В камине. У посредника.

— У вас нет документов?

— Нет. Только память. И этот протокол.

— Вы уверены в имени?

— Уверен. Как уверен, что снег идёт за окном.

Ставицкий замолчал. Мысленно сверял даты. Дело о похищении двадцатилетней давности. Том тринадцать в Особом архиве. Подпись следователя Колпакова. Экспертное заключение о времени смерти. День похищения. Ночь скрытия тела. Лесополоса за Южным шоссе. Яма. Ветви. Черная машина. Конверт с пятью тысячами. Всё совпадало с протоколами старого следствия. Но имя Морозова в этих протоколах не фигурировало. Тогда фигурировал только Орлов. Виновный по приговору. Отсидевший двадцать лет.

— Срок давности, — сказал Ставицкий тихо.

— Да, — прошептал Орлов. — Истек. Двадцать лет. Вы не можете тронуть его. Вы не можете даже допросить как подозреваемого по старому делу.

— Старое дело закрыто, — подтвердил Ставицкий. — Но вы сами сказали, что не убивали.

— Я прятал. По чужому указанию. Это моё преступление. Моё наказание я уже отсидел.

— А кто убил?

— Я не знаю. Морозов не говорил. Посредник не знал. Знать не обязательно. Важно было спрятать.

— Почему вы не назвали имя тогда, на предварительном

следствии?

— Боялся. Тогда я был моложе. Тогда я боялся тюрьмы. Теперь я боюсь смерти меньше.

Ставицкий сделал паузу. В палате слышно было только шум вентилятора и скрип кровати.

— Я зафиксирую ваши показания, — сказал следователь. — Но они не приведут к обвинению Морозова по этому эпизоду.

— Я не прошу обвинений, — сказал Орлов. — Я прошу, чтобы вы знали. Кто на самом деле стоял за этим.

— Я знаю.

— Тогда расскажите архиву. Пусть том будет открыт. Даже если закрыт законом.

— Том останется в архиве, — сказал Ставицкий. — С пометкой.

— Пометка не стереет имя.

Орлов закрыл глаза. Дыхание стало более частым, поверхностным.

— Леонид Давыдович, — сказал Ставицкий. — Вы чувствуете себя плохо. Вызвать врача?

— Врач не поможет, — прошептал Орлов. — Врач только отсрочит. А мне нечего отсрочивать.

— Вы не можете дать новые показания в таком состоянии.

— Я уже дал. Имя. Признание. Больше не смогу. Голос не держит.

Ставицкий налил воды из пластиковой бутылки в стакан и

поднёс к губам заключённого. Орлов сделал глоток, оттолкнул стакан.

— Теперь запишите всё правильно, — сказал он. — Не сокращайте. Не интерпретируйте.

Ставицкий открыл блокнот на чистом листе.

— Я подтверждаю получение показаний от Леонида Давыдовича Орлова о заказчике скрытия тела по делу двадцатилетней давности, — диктовал следователь. — Имя заказчика — Евгений Валентинович Морозов. Показания даны в присутствии следователя Ставицкого Глеба. Заключённый отказывается от дальнейших комментариев по состоянию здоровья.

Он закрыл блокнот. Орлов открыл глаза.

— Вы уходите, — сказал заключённый.

— Я ухожу, — ответил Ставицкий. — Но имя остаётся у меня.

— И ничего не изменится, — прошептал Орлов. — Закон его защищает.

— Закон защищает многое, — сказал Ставицкий. — Но не всё.

Он поднялся. Стул заскрипел. Орлов закрыл глаза снова. Ставицкий подошел к двери. Сторож ждал в коридоре. Ставицкий вышел, закрыл дверь за собой. Шум вентилятора остался за стенами.

В коридоре пахло карболовкой и сыростью. У поста дежурила медсестра в белом халате. Она смотрела на часы, потом

на Ставицкого.

— Сколько ему осталось? — спросил следователь.

— Часы. Может, меньше, — ответила медсестра. — Давление не держится. Дышит с трудом. Но вы были нужны. Он сказал, что без вас не скажет.

Ставицкий кивнул. Пошёл к выходу, прошёл мимо пропускного пункта, сел в машину. Двигатель остыл. Он завел его снова. Снег шёл всё время. Дорога обратно занимала столько же времени, что и раньше. Ставицкий смотрел на дорогу и думал о том, что знает имя, но не может его назвать. Что заключённый признался, но закон не даёт права действовать. Что закрытый том в архиве так и останется закрытым. Что Евгений Валентинович Морозов остаётся свободным человеком. Что Орлов уйдёт, не дождавшись приговора.

Машина тронулась. Заднее стекло быстро засыпало снегом. Ставицкий включил? No. "включил дворники". Они двигаются? No. "двигались" через мокрое стекло, оставляя полосы чистоты, которые тут же затягивались снова. Он держал руки на руле, не трогая рычаг передач. Дорога была? No. "вела" в Заречинск. Впереди были светлые окна домов, приёмная прокуратуры, закрытый том в архиве, имя, которое нельзя было использовать.

Снег шёл без остановки.

Машина тронулась. Заднее стекло быстро засыпало снегом. Ставицкий включил дворники. Они двигались через

мокрое стекло, оставляя полосы чистоты, которые тут же затягивались снова. Он держал руки на руле, не трогая рычаг передач. Дорога вела в Заречинск.

Впереди были светлые окна домов, приёмная прокуратуры, закрытый том в архиве, имя, которое нельзя было использовать.

Снег шёл без остановки.

Ставицкий проехал мимо театра, мимо дворца культуры, мимо здания с колоннами, где через неделю пройдёт благотворительный вечер. На афише у входа красовалось имя Евгения Валентиновича Морозова. Меценат года. Награду вручат в торжественной обстановке. Ставицкий не переставлял взгляд. Держал дорогу.

Он подъехал к зданию следственного отдела. Парковка была почти пуста. Один автомобиль дежурного, вторая машина дальше от входа. Ставицкий оставил машину, закрыл дверь на замок, вошёл внутрь.

Коридор пахнет линолеумом и старым бумажным архивом. Свет люминесцентных ламп мерцал над лестницей. Ставицкий поднялся на второй этаж. В его кабинете горел только настольный светильник. Он сел за стол. Достал блокнот.

На чистом листе он написал:

«Орлов, Леонид Давыдович. Показания данные в тюремной больнице. Заказчик скрытия тела — Евгений Валентинович Морозов. Указание передано через посредника в ко-

жаном пальто. Деньги — пять тысяч рублей. Тело спрятано в лесополосе за Южным шоссе. Орлов не убивал. Он лишь прятал по чужому указанию.»

Он закрыл блокнот. Потом открыл снова. Добавил:

«Срок давности по эпизоду скрытия тела истек. Уголовное дело в отношении Морозова по данному факту возбудить нельзя. Показания имеются, но юридически не могут стать основанием для обвинения.»

Ставицкий откинулся на спинку стула. В голове шли даты. Дело двадцатилетней давности. Том тринадцать. Подпись следователя Колпакова. Экспертное заключение о времени смерти. День похищения. Ночь скрытия тела. Лесополоса. Яма. Ветви. Чёрная машина. Конверт. Всё совпадало со старыми протоколами. Но имени Морозова в этих протоколах не было. Тогда фигурировал только Орлов. Виновный по приговору. Отсидевший двадцать лет.

Он встал. Подошёл к шкафу. Достал дело. Том тринадцать. Обложка потерта, уголки склеены скотчем. Ставицкий перелистал страницы. Допросы Орлова 2004 года. Протоколы обыска. Заключение эксперта. Приговор суда. В nowhere — не было фамилии Морозова. Только Орлов и посредник, который так и не был найден.

Ставицкий положил том на стол. Посмотрел на часы. Пора уже почти вечер. Он взял телефон. Набрал номер приёмной прокуратуры.

— Слушают, — ответил дежурный.

— Ставицкий. Глеб. Старший следователь. Мне нужно уточнить один вопрос по делу о похищении 2004 года. Том тринадцать. Есть новые показания от осуждённого Орлова. Он называет заказчика. Можем ли мы возбудить производство в отношении этого лица?

— Фамилия заказчика? — спросил дежурный.

— Морозов. Евгений Валентинович.

— Срок давности по этому делу истёк ещё в двадцать четвёртом году, — ответил дежурный после паузы. — Дело архивное. Возбуждение невозможно.

— Я понимаю, — сказал Ставицкий. — Тогда никаких действий не требуется.

— Не требуется.

Ставицкий положил трубку. Набор закончен.

Он посмотрел на окно. Снег шёл. На стекле появлялись капли, потом замерзали. Капот автомобиля во дворе был белым.

Он знал имя. И не мог его использовать.

Эта мысль не уходила. Она сидела в груди, как тяжёлый камень. Орлов уйдёт. Не дождётся приговора. Морозов останется свободным. Блеск залов, награды, репутация — всё это защищало его лучше, чем любой адвокат.

Ставицкий встал. Надел пальто. Застегнул. Взял блокнот. Пошёл к выходу. На проходной вахтёр кивнул. Ставицкий вышел на улицу.

Воздух был холодным. Снежинки таяли на лице. Он по-

шёл к машине. Сел. Двигатель завел с первой попытки. Обдув стекла затряс салон. Ставицкий посмотрел на дорогу, которая вела обратно в город.

Взгляд упал на блокнот на сидении рядом. Имя было там. Чернилами. Простым текстом. Но закон не позволял ему превратить это имя в обвинение.

Он завел машину и тронулся. Заднее стекло снова засыпало снегом. Дворники двигались через мокрое стекло, оставляя полосы чистоты, которые тут же затягивались снова. Ставицкий держал руки на руле, не трогая рычаг передач. Дорога вела в Заречинск.

Впереди были светлые окна домов, приёмная прокуратуры, закрытый том в архиве, имя, которое нельзя было использовать.

Снег шёл без остановки.

Глава 2
Архивная картотека

Особый архив занимал цокольный этаж здания следственного отдела. Свет здесь не выключали никогда, но после семи вечера коридоры пустели. Вера Корф осталась в комнате номер четыре. Полки с томами подходили к самому потолку. Бумага пахла старым клеем, тиснением и холодом. Свет от люминесцентных ламп был жёлтым, слегка мерцающим. В углу стоял стол с лампой. На столе лежала чашка с остывшим чаем.

Она достала с полки том тринадцать. Обложка была потерта, уголки склеены прозрачным скотчем. Внутри лежали протоколы допросов Леонида Орлова 2004 года, материалы обыска, заключение эксперта. Вера разложила листы на столе. Сверху положила блокнот Ставицкого, который тот передал ей утром в отделе.

Она читала медленно, слово за словом. Сравнивала ранние протоколы с поздними показаниями.

В 2004 году Орлов говорил, что деньги получил у подъезда дома на Западной. Посредника не видел. Сумма не называлась. Тело похищенного он спрятал в лесополосе за Южным шоссе, в яме под сосной.

Вчера в тюремной больнице Орлов сказал Ставицкому,

что указание передал посредник в кожаном пальто за пять тысяч рублей. Тело прятал в той же лесополосе, но не под сосной, а у завала кирпича. Деньги были в чёрном конверте без адреса.

Под каждым протоколом 2004 года стояла подпись следователя Колпакова. Чёткая. Разборчивая. На вчерашних показаниях подписи не было. Только рукописная заметка Ставицкого: «Принято в тюремной больнице. Орлов Л.Д.»

Вера отметила несоответствия карандашом. Скрип графита по бумаге был почти слышен в тишине комнаты.

Она взяла трубку внутреннего телефона. Набрала номер кабинета Ставицкого.

— Алло, — отозвался он.

— Ставицкий? Это Корф. Архив.

— Слушаю.

— Вы передали мне показания Орлова из тюремной больницы. Он называет посредника в кожаном пальто. В протоколе 2004 года об этом нет.

Пауза.

— Орлов тогда не сказал, — ответил Ставицкий. — Сказал теперь.

— Почему тогда не сказал?

— Не спрашивали. Или не хотел.

— Пять тысяч рублей. В протоколе сумма не фигурирует.

— Фигурировала бы, если бы мы нашли деньги. Деньги не нашли.

— Чёрный конверт без адреса. Его тоже не изымали?
— Не изъяли.
— Понятно.
— Что вы хотите проверить, Корф?
— Всё, — сказала она. — Каждое несоответствие.
— У вас есть время до утра?
— До утра.
— Тогда работайте.
Он положил трубку первой.

Вера вернулась к томам. Она начала составлять психологический портрет Евгения Морозова. На чистом листе блокнота написала фамилию. Под ней пункты.

Контроль. Тщеславие. Нужность публичного признания. Уверенность в неприкосновенности.

Орлов отсидел двадцать лет. Морозов всё это время оставался на свободе. Если он заказывал скрытие тела, то делал это через посредника. Не напрямую. Это значило, что он просчитывал риски. Но и тщеславие заставляло его быть на виду. Награды. Вечера. Фотографии в газетах.

Она вычеркнула мысль. Написала аккуратнее.

Посредник в кожаном пальто. Пять тысяч рублей. Чёрный конверт. Тело в яме. Орлов просто прятал по чужому указанию.

Она посмотрела на фотографии из дела. Чёрно-белые снимки лесополосы. Яма. Ветви. На одном снимке у края ямы лежал обломок чёрного материала. В протоколе осмот-

ра это описано как «кусок ткани, не идентифицирован».

Вера листала листы дальше. В протоколе допроса очевидца, жителя близлежащего дома, была запись: «Видел мужчину в тёмном пальто, уходящего от лесополоса в сторону Южного шоссе». Очевидец не называл фамилию. Не видел лица.

Она проверила биографию Морозова. Он тогда жил в центре, на Островском. В лесополосе за Южным шоссе у него не было дела. Но у него был автомобиль. Чёрная «Волга».

Она снова посмотрела на снимок. Обломок ткани. Чёрный. Плотный. Как от пальто.

Вера открыла другой том. Дело десятилетней давности. Исчезновение женщины из парка. В протоколе осмотра места: «возле скамьи найден обломок чёрной ткани, не идентифицирован». Вере показалось, что она видела эту ткань раньше.

Она закрыла том. Посторонилась от стола. В комнате пахло пылью. Свет люминесцентной лампы мерцал над её головой.

В дверь постучали.

Вера подняла взгляд. На пороге стоял архивариус, пожилой мужчина в кардигане.

— Вы ещё здесь, Корф? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Работаю с делом Орлова.

— Том тринадцать закрыт. Вы его брали?

— Брала. Верну завтра утром.

— Закрытый том не должен выходить из комнаты.

— Я не выношу. Работаю здесь.

Архивариус вошёл. Подошёл к полке. Провел пальцем по корешкам.

— Срок давности истёк, — сказал он. — Дело архивное. Никто не должен к нему возвращаться.

— Я возвращаюсь, — сказала Вера.

— Зачем?

— Есть несоответствия.

— Несоответствия в архиве? — Он улыбнулся. — В архиве всё совпадает. Потому что записано один раз.

— А если записано не всё?

— Тогда записано то, что нужно. Вы это знаете, Корф.

— Я знаю, что дело о похищении двадцатилетней давности. И что Орлов отсидел за сокрытие тела.

— И что же вы нашли?

— Посредника в кожаном пальто.

Архивариус посмотрел на неё. Волосы у него были седые, аккуратно причёсаны.

— Кожаное пальто — это не улика. Это деталь. Детали могут быть вымышлены.

— А если нет?

— Тогда вам нужно спросить у того, кто носил пальто. Но он не здесь.

— А если он здесь? В городе?

Архивариус не ответил сразу. Он посмотрел на окно, где за стеклом терялась ночь.

— Город большой, — сказал он. — И таких пальто много.

— Не common. Кожаное. Чёрное.

— Покажите мне протокол, где это сказано.

Вера достала лист. Провела пальцем по строке.

— В протоколе 2004 года этого нет. Это сказал Орлов вчера. Уже умирая.

— Значит, он вспомнил.

— Или придумал.

— Или был прав.

Архивариус взял лист из её рук. Посмотрел. Вернул.

— Вы работаете в Особом архиве, Корф. Вы должны видеть документы, а не видения.

— Я вижу документы, — сказала Вера. — И вижу, что они не сходятся.

Архивариус вздохнул. Он переложил том с полки на стол.

— Закрывайте его до утра, — сказал он. — И не возвращайтесь.

— Я вернусь, — сказала Вера.

— Тогда не моя ответственность.

Он вышел. Дверь закрылась.

Вера снова села. Взяла ручку. Написала в блокноте.

Морозов. Евгений Валентинович. Меценат. Политик. Публичный человек. Любит награды. Боится потери контроля.

Она посмотрела на слово «боится». Стерла. Написала «не допускает».

Повторяющаяся деталь. Чёрный конверт. Обломок чёрной ткани. Посредник в кожаном пальто.

Она открыла том тринадцать на странице с протоколом обыска у Орлова. «Изъят: конверт чёрный, без надписей, пустой. Найден в столе.»

Она открыла протокол осмотра места похищения 1999 года. «На месте обнаружен пустой чёрный конверт без адреса.»

Два конверта. Одно и то же описание. Два разных момента дела.

Закономерность или случайность?

Вера провела пальцем по строке. Чернила размазались чуть-чуть.

Она должна была быть уверена. Профайлер не сомневается. Но в груди зашевелилось что-то холодное. Как будто она видела узор там, где его нет. Как будто она хотела найти Морозова в каждой детали.

Она положила трубку. Набрала номер экспертного отделения.

— Экспертное. Сидоров.

— Сидоров? Это Корф. Архив.

— Слушаю.

— Дело Орлова. Обломок чёрной ткани из лесополоса. Вы его сравнивали с чем-нибудь?

— Не сравнивали. Дело закрыто.

— А если бы сравнили?

— С чем?

— С тканью от пальто. Чёрной. Плотной.

— Тогда бы нашли совпадение. Или нет.

— Вы не знаете.

— Не знаю. Вещественное доказательство не хранится. Уничтожено по истечении срока.

— Когда уничтожено?

— В две тысячи десятом году.

— Понятно.

— У вас есть что-то ещё, Корф?

— Нет.

— Тогда свободна.

Он положил трубку.

В дверь постучали снова.

Вера подняла голову. На пороге стоял охранник в тёмном свитере.

— Кто здесь? — спросил он.

— Корф. Архив.

— Поздно работать.

— Дело не ждет.

— Дело закрыто.

— Это не закрытое дело. Это открытый вопрос.

Охранник пожал плечами. Он посмотрел на стол, на тома, на блокнот.

— Свет выключите, когда уйдёте, — сказал он.

— Выключу, — ответила Вера.

Охранник вышел. Дверь закрылась.

Вера осталась одна. Снова посмотрела на блокнот. Написала последнюю строку.

Если это не случайность, то Морозов действовал по одной схеме. Если случайность, то мы гонимся за призраком.

Она не поставила точку.

Она не поставила точку.

Вера оставила блокнот открытым. Чернила на странице ещё не высохли. Она отодвинула лист, встала и прошла к стеллажу с личными делами публичных лиц. Папка Морозова была тонкой. Внутри — вырезки из газет, справки из паспортного отдела, краткая биография. Евгений Валентинович Морозов. Родился в 1968 году. Жил на улице Островского. Владел чёрной «Волгой». Награждён знаком отличия за меценатство. Член совета при губернаторе.

Вера села обратно. Раскрыла вырезку от трёх недель назад. «В качестве пострадавшего находится водитель личного автомобиля предпринимателя. Дорожно-транспортное происшествие признано несчастным случаем.» Имя водителя не называлось. Марка автомобиля не указана.

Она взяла ручку и записала в блокноте под предыдущей строчкой:

Морозов. Чёрная «Волга». Улица Островского. Несчастный случай с водителем. Дата — три недели назад.

Она снова посмотрела на старый том. Протокол обыска у Орлова: «Конверт чёрный, без надписей, пустой. Найден в столе.» Протокол осмотра места похищения 1999 года: «Пу-

стой чёрный конверт без адреса.» Два протокола. Два момента. Одно и то же описание.

Вера провела пальцем по строке. Чернила размазались.

Повторяющаяся деталь была слишком точна для случайности. Чёрный конверт в столе у соучастника. Чёрный конверт на месте преступления. Чёрная ткань в лесополосе. Чёрная «Волга» у человека, который тогда не имел дела с лесополосой. Совпадения накладывались друг на друга, как оттиски одной печати.

Но официальные методы не позволяли доказать связь. Срок давности истёк. Вещественные доказательства уничтожены в две тысячи десятом году. Свидетелей нет. Очевидец не видел лица. Посредник в кожаном пальто остаётся безымянным. Любой адвокат Морозова разорвёт её версии в заседании, ещё не начав разговор.

Вера закрыла глаза. Холод в груди не уходил.

Она взяла трубку и набрала номер Ставицкого.

— Ставицкий.

— Глеб, это Корф.

— Поздно. Ты ещё в архиве?

— Да.

— Ты нашла что-то?

— Совпадение. Два чёрных конверта. Одно описание в двух протоколах.

— Ты сравниваешь вещественные доказательства из разных дел.

— Я сравниваю описания в протоколах.

— Доказательство уничтожено в две тысячи десятом. Ты это знаешь.

— Знаю. Но описание осталось.

— Описание не является доказательством, Корф.

— Оно является основанием для проверки.

— При каких основаниях?

— Принципе повторения.

— Принцип повторения не стоит в Уголовном кодексе.

— Мотив стоит.

— Мотив нужно доказать.

— Я докажу.

На линии воцарилась пауза. Вера слышала только тишину в трубке и свой дыхание.

— Ты хочешь возбудить дело по старому похищению? — спросил Ставицкий тихо.

— Нет. Я хочу проверить новые инциденты. Водителя. Склад. Конверт.

— Это не твоя компетенция.

— Это моя компетенция, если я вижу закономерность.

— Закономерность может быть случайностью.

— Если случайность, то мы гонимся за призраком. Если нет, то Морозов действует по одной схеме.

— Ты не можешь заключить человека за то, что кажется верным.

— Я могу заключить его за то, что можно доказать.

— Докажи тогда.

— Я буду доказывать.

— Неофициально?

— Неофициально.

— Ты понимаешь, на что накладываешься?

— Да.

Ставицкий не стал переубеждать. Он лишь вздохнул.

— Утром заходи в кабинет, — сказал он. — Поговорим.

— Утром может быть уже поздно.

— Утром — это всё, что у нас есть.

Он положил трубку первым.

Вера осталась в тишине Архива. Лампа над столом продолжала мерцать. Она посмотрела на блокнот. Последняя строчка всё ещё висела без точки. Она провела ручкой под ней прямую линию. Затем написала выше, почти выцарапав бумагу:

Личная ответственность. Действие на опережение.

Она закрыла папку Морозова и убрала в ящик стола. Затем вытащила чистый лист и начала составлять список. Первый пункт: проверить аваторию водителя. Второй: вызвать эксперта по ткани, несмотря на уничтожение вещественного доказательства. Третий: составить график выходов Морозова на публичные мероприятия.

Она встала, подошла к окну. За стеклом ночь уже сменилась на предрассветную мгле. Город затихает. Фонари потухают по очереди.

Вера вернулась к столу. Открыла том тринадцать на странице с протоколом допроса Орлова 2024 года. «Указание передавал посредник в кожаном пальто за пять тысяч рублей.» Она провела пальцем по фразе «кожаное пальто». Слово за слово.

Она села и начала писать отчёт. Не служебный. Личный. Она записывала всё, что видела. Все несоответствия. Все совпадения. Все свои сомнения. Каждую мысль. Каждую деталь.

Она знала, что за это могут выговор. Могут снять с дела. Могут уволить. Но официальные методы были бессильны перед человеком, который двадцать лет оставался на свободе. Перед человеком, который получал награды в залах с хрустящими люстрами. Перед человеком, который считал себя выше любого приговора.

Вера поставила точку под последним предложением. Затем закрыла блокнот и оставила его на столе. Разместила рядом папку с отчётом. Потянулась к телефону, чтобы вызвать охрану на выход, но передумала. Она ещё не уходила.

Она посмотрела на пустую страницу перед собой и начала писать снова. На этот раз без сомнений.

Завтра я уйду не в кабинет Ставицкого. Завтра я проверю драйвер.

Она не поставила точку.

Вера выключила лампу только тогда, когда первый луч солнца коснулся края стеллажа.

Вера выключила лампу только тогда, когда первый луч солнца коснулся края стеллажа.

Она собрала бумаги в папку. Блокнот оставила на столе. Ручку положила сверху. В сумку положила только том тринадцать. Вышла из архивной комнаты. Закрыла дверь на ключ. В коридоре пахло старой бумажной пылью и дезинфицирующим средством.

Улица была пуста. Автобусы ещё не ходили. Вера пошла к метро пешком. Холодный воздух ударил в лицо. Она затянула шарф сильнее. В голове крутились цифры. 1999 год. 2024 год. Двадцать лет. Три недели назад. Чёрный конверт. Чёрная «Волга». Улица Островского.

Дома она не включила свет. Села на кухне у окна. Раскрыла папку. Вынула вырезку из газеты. «В качестве пострадавшего находится водитель личного автомобиля предпринимателя. Дорожно-транспортное происшествие признано несчастным случаем.» Имя водителя не называлось. Марка автомобиля не указана. Дата — три недели назад.

Вера достала блокнот. Нашла страницу с записью про чёрный конверт. Провела пальцем по строке.

Совпадение, — подумала она. *Слишком точное.*

Она открыла биографическую справку о Морозове. Родился в 1968 году. Жил на улице Островского. Владел чёрной «Волгой». Награждён знаком за меценатство. Член совета при губернаторе. Ни слова про лесополотно. Ни слова про похищение. Ни слова про конверт.

Она сравнила даты. Двадцать лет назад тело прятали в лесополосе. Чёрный конверт нашли в столе у Орлова. Чёрный конверт нашли на месте похищения. Три недели назад погиб водитель. Машина не указана. Но у Морозова была чёрная «Волга». У него был адрес на Островского.

Она вытащила из папки копии протоколов обыска у Орлова. «Конверт чёрный, без надписей, пустой. Найден в столе.» Протокол осмотра места похищения 1999 года: «Пустой чёрный конверт без адреса.» Два протокола. Два момента. Одно и то же описание.

Официальные методы не позволяли доказать связь. Срок давности истёк. Вещественные доказательства уничтожены в две тысячи десятом году. Свидетелей нет. Очевидец не видел лица. Посредник в кожаном пальто остаётся безымянным. Любой адвокат Морозова разорвёт её гипотезы в заседании, ещё не начав разговор.

Вера закрыла глаза. Холод в груди не уходил.

Она взяла трубку и набрала номер знакомого эксперта.

— Здравствуйте, — сказал мужской голос.

— Здравствуйте, это Корф. Мне нужно проверить ткань.

— Какую ткань?

— Чёрную. Из лесополосы. Двадцатилетней давности.

— Уничтожена в две тысячи десятом. Вы знаете.

— Знаю. Но может остаться отчёт об анализе.

— Отчёты тоже уничтожают.

— Не все.

Он не стал переубеждать. Сказал перезвонит.

Вера положила трубку. Подождала. Наступила тишина. В комнате пахло кофе, который она выпила ещё в архиве. Нет, она не выпила кофе. Она не ела с вечера. Желудок сжался.

Она посмотрела на окно. Солнце поднималось. Улица ожидала. Автомобили начинали моторчить.

Вера встала. Надела пальто. Взяла сумку. Вышла из квартиры.

Она пошла не в кабинет Ставицкого. Она пошла в отдел по расследованию дорожно-транспортных происшествий. Здание стояло на площади Революции. Внутри пахло машинным маслом и старыми табличками.

Она спросила дежурного про аварию с водителем предпринимателя. Тот спросил её должность. Она назвала службу из Особого архива. Он сказал, что без запроса от следователя ничего не даст. Она не стала настаивать. Поблагодарила. Вышла.

На улице она остановилась у тротуара. Движение уже шло полным ходом. Люди спешили на работу. Автобусы выдыхали пар.

Вера поняла, что повторяющаяся деталь была слишком точна для случайности. Чёрный конверт. Чёрная машина. Улица Островского. Три протокола, три момента, одна схема. Но она не могла предъявить это в суде. Не могла возбудить дело. Не могла вызвать Морозова на допрос.

Работа переходила из служебной плоскости в личное

убеждение.

Она зашла в ближайшее кафе. Заказала чай. Сидела у окна. Смотрела на проходящие машины. Чёрные, серые, белые. Ни одной чёрной «Волги». Уже не ездят такие.

Она выпила чай. Оставила чаевые. Вышла.

Наступила пора действовать на опережение.

Она вернулась в архив. Нашла список выходов Морозова на публичные мероприятия. Составила график. Первый пункт: проверка аварии водителя. Второй: вызов эксперта по ткани. Третий: наблюдение за Морозовым. Четвёртый: запись всех несоответствий в личный отчёт.

Она не поставила точку в конце списка. Она знала, что за это могут выговор. Могут снять с дела. Могут уволить. Но официальные методы были бессильны перед человеком, который двадцать лет оставался на свободе. Перед человеком, который получал награды в залах с хрустящими люстрами. Перед человеком, который считал себя выше любого приговора.

Вера закрыла блокнот. Отложила ручку. Взяла сумку. Вышла из архива. Солнце уже стояло высоко. Город жил своей жизнью. Никто не знал, что в Особом архиве женщина решила действовать одной.

Она не понимала, куда это приведёт. Но понимала, что пути назад нет.

Личная ответственность, — подумала она. *Действие на опережение.*

Она пошла к выходу.

Глава 3
Благотворительный вечер

Машина остановилась у бетонного подъезда. Ставицкий выключил двигатель и не выходил сразу. Дождь шёл весь вечер, но сейчас стих, оставив на асфальте тёмные разводы, которые отражали свет фонарей. Он поправил галстук, посмотрел в зеркало заднего вида. Пятьдесят один год. Усталость в уголках глаз, которую не скрыть даже хорошим сном. Он не привык к таким местам. К залам, где свет льётся сверху, а не пробивается через запылённые окна архива.

Здание называлось «Гранд-салон». Располагалось в старом особняке на набережной, отреставрированном до состояния витрины. Мраморные колонны, хрустящие люстры, охрана в чёрных костюмах на крыльце. Ставицкий вынул приглашение из внутреннего кармана пиджака. Бумага была плотной, с тиснением. Его фамилия напечатана типографским шрифтом. Кто-то ещё решил, что следователь Особого архива должен быть здесь, на этом приёме, где чествуют Евгения Валентиновича Морозова.

Он вышел из машины. Холодный ветер ударил в лицо. На подъезде его встретил администратор в белом галстуке.

— Здравствуйте, Глеб Валентинович. Вас ждут, — сказал мужчина и взял у него пальто.

— Я просто на приём, — сказал Ставицкий.

— Вы в списке. Проходите.

В гардеробе одели на его плечи номер. Он оставил записную книжку в кармане пиджака. Ручка осталась там же. В архиве он бы зафиксировал время прибытия, должность посетителя, цель визита. Здесь нечего фиксировать. В архиве нет хрусталя. Нет белых скатертей.

Зал был огромным. Высокие потолки, лепнина, свет от люстр отражался от полированного пола. Гости рассаживались за круглыми столиками, покрытыми белыми скатертями. Официанты в чёрных фартуках разносили бокалы с шампанским и тарелки с канапе. Говорили тихо, смех был сдержанным, как на судебном заседании, где все знают приговор заранее. Ставицкий прошёл к центру зала. Он знал некоторые лица из новостей, из протоколов, из судебных заседаний. Депутаты, коммерсанты, чиновники. Все на вечере, все в костюмах и платьях. Человек в углу разговаривал по телефону, прижимая трубку к уху ладонью. Ставицкий посмотрел на его запястья. Часы с золотым браслетом. Статус.

Он взял бокал у проходящего официанта. Не пил. Просто держал в руке. Холодное стекло. Пузырьки поднимались к верхнему краю. В тюремной больнице, где он был три дня назад, стены были обклеены жёлтым линолеумом. Запах дезинфицирующего средства смешивался с запахом старой кожи и мочи. Орлов лежал в палате номер шесть, дышал с трудом, смотрел в потолок. Ставицкий записал его слова в блок-

нот. «Я прятал тело. Заказчик — Морозов». Двадцать лет заключения. Срок давности истёк. Имя, которое нельзя использовать в обвинении. Здешний мир не знал про лесополоску. Не знал про чёрный конверт. Не знал про пять тысяч рублей, переданные посреднику в кожаном пальто.

Здесь всё было иначе. Хрусталь. Белый скатерть. Шампанское.

— Глеб Валентинович? — голос за спиной.

Ставицкий повернулся. Женщина в синем платье, волосы убраны в пучок. Он не помнил её фамилии. Возможно, сотрудница пресс-службы администрации.

— Да, — сказал он.

— Я организатор встречи. Вы в списке почётных гостей. — Она улыбнулась. — Можете пройти к столику номер семь. Там ваше место.

— Спасибо, — сказал Ставицкий. — Я постою.

— Как хотите. Церемония начнётся через десять минут.

Она ушла. Ставицкий остался у края зала. Он смотрел на сцену. На стене за ней висел баннер: «Благотворительный фонд Евгения Валентиновича Морозова». Золотистые буквы на темно-синем фоне. Ниже — логотип, стилизованная «В» в венецианском стиле.

Он сканировал зал. В первом ряду сидели люди в формальных костюмах. В центре — пустое кресло. Для лауреата. Ставицкий вспомнил архивную комнату номер четыре. Полки с делами. Пыль на обложках томов. Протокол допро-

са Орлова 2004 года. Подпись следователя Колпакова. Чёрный конверт без адреса. Тело под сосной в лесополосе. Вещественные доказательства уничтожены в две тысячи десятом году. Никаких бумаг. Никаких свидетелей. Только слова умирающего человека.

Здесь умирающего не было. Здесь живой человек готовился получить награду за благотворительность.

Он сделал глоток шампанского. Не почувствовал вкуса. Поставил бокал на поднос проходящего официанта.

— Ставицкий? — голос справа.

Он повернулся. Мужчина в сером смокинге, лицо знакомое из судебных коридоров. Адвокат, возможно. Или журналист.

— Я, — сказал Ставицкий.

— Рад видеть. Вы часто бываете на таких мероприятиях? — Мужчина улыбнулся, не показывая зубов.

— Редко.

— А я часто. Морозов любит inviting. — Он жестикулирует с бокалом. — Он говорит, что общественность должна видеть своих защитников.

— Он их защищает? — Ставицкий спросил без интонации.

Мужчина пожал плечами.

— Он жертвует на больницы, на школы, на парки. Это защита другого рода.

— Ясно, — сказал Ставицкий.

Мужчина отхлебнул шампанского и отошёл. Ставицкий остался один. Он посмотрел на часы. Девять ноль ноль. Церемония должна начаться в девять двадцать. У него было время. Время для мыслей, которых в архиве не хватало.

О прошлом деле он думал по-другому здесь. В архиве всё было документально: протоколы, экспертизы, отказы прокурора. Здесь всё было визуально. Свет. Тени. Движение людей. Статус. Он заметил охранника у входа в зал. Тот стоял прямо, руки за спиной, взгляд сканировал публику. Ставицкий узнал его по форме. Частное охранное агентство. Никаких полномочий. Только предупреждение.

Он прошёл ближе к сцене. У стола организаторов стояли двое мужчин в костюмах. Один из них разговаривал по телефону. Другой смотрел на часы. На столе лежали конверты, грамоты, кубки. Ставицкий не подходил слишком близко. Он оставался на границе между толпой и пустым пространством перед сценой.

— Глеб Валентинович, — кто-то сказал за спиной.

Ставицкий обернулся. Пожилой мужчина в очках, в костюме с галстуком-бабочкой. Возможно, ректор или директор какого-то фонда.

— Здравствуйте, — сказал Ставицкий.

— Вы работаете с делом Орлова? — мужчина понизил голос.

Ставицкий напрягся. Рука невольно потянулась к карману пиджака, к блокноту.

— О каком деле? — спросил он.

— О похищении. Двадцать лет назад. Я читал в газетах. Вы есть в материалах.

— Я не комментирую текущие дела, — сказал Ставицкий.

— Это не ongoing. Это архив. — Мужчина улыбнулся. — Но вы здесь. Почему?

— Я получил приглашение, — сказал Ставицкий.

— Отклонение от протокола. — Мужчина кивнул. — Понятно.

Он отошёл. Ставицкий остался с пустым бокалом. Он не знал, кто был этот человек. Журналист? Коллега Морозова? Просто любопытный гражданин. Важно было то, что кто-то связывает его имя с делом Орлова на этом вечере. Что quelqu'un sieht связь между следователем и умершим заключённым в точности в тот момент, когда меценат выходит на сцену.

Он пошёл к выходу в фойе. Хотелось подышать. Дверь вела на балкон. За стеклом город. Фонари. Движение машин. Вдали — тюремная стена, которую он видел утром. Та же стена, та же город, два разных мира.

Он открыл дверь. Холодный воздух ударил в лицо. На балконе было пусто. Только пара в дальней стороне, обнимающаяся у перил. Ставицкий не стал их беспокоить. Он прислонился к ограждению. Дышал.

В архиве он бы сделал запись. Время. Место. Обстоятельства. Здесь нечего записывать. Преступления ещё не совер-

шено. Старое преступление уже нельзя преследовать. Новое — только в планах у кого-то другого. Он думал про посредника в кожаном пальто. Про чёрный конверт, найденный в столе у Орлова. Про тот же конверт на месте похищения 1999 года. Два протокола. Два момента. Одно и то же описание. Доказательств нет. Бумага сожжена. Посланник безымянный.

Он выглядел на сцену. Свет погас в зале. На сцене появился прожектор. Белая точка на скуфье ведущего.

— Уважаемые гости, — раздался голос из динамиков. — Церемония награждения начинается.

Гости зашевелились. Возвращались к своим местам. Ставицкий вернулся в зал. Он занял место у задней стены, откуда была видна вся сцена.

Ведущий вышёл в центр. В смокинге, с бумагами в руках. Он улыбался, кивал публике. Говорил о меценатстве, о вкладе в культуру, о необходимости поддержки искусства в трудное время. Ставицкий слушал Half-heartedly. Его мысли были в лесополосе. Под сосной. В чёрном конверте. В тюремной палате, где Орлов ждал конца.

— И теперь предоставляем слово лауреату вечера, — сказал ведущий. — Евгению Валентиновичу Морозову.

Аплодисменты. Длинные, равномерные, как хлопают на заседаниях, где все знают, кому принадлежит власть.

Ставицкий видел, как сбоку сцены появился Морозов. В тёмном костюме, без галстука. Волосы аккуратно уложены.

Лицо спокойное, как у человека, который никогда не сомневался в себе. Он прошёл к центру. Охрана отступила на шаг. Свет прожекторов лег на его плечи.

Морозов остановился у микрофона. Посмотрел в зал. Усмехнулся. Это было почти незаметно, но Ставицкий заметил. Уголок губ поднялся на долю секунды.

Морозов взял микрофон в руку. Голос его прозвучал равномерно, уверенно.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо за эту награду.

Голос за спиной Ставицкого: «Вот он». Ставицкий не обернулся.

Морозов продолжал говорить. О фонде. О детях. О будущем Заречинска. Ставицкий слушал и смотрел на его руки. Чистые, ухоженные. Без царапин. Без следов работы. Руки человека, который отдаёт приказы, но не выполняет их сам.

Аплодисменты снова. Молодёжь в первых рядах встала. Люди в костюмах хлопали. Свет от люстр отражался от лысины Морозова? У него не было лысины.

Ставицкий сжал кулак в кармане. Он не знал, что будет дальше. Закон не позволял ему приблизиться к Морозову. Статус давности закрыл старый вопрос. Новые инциденты ещё не стали доказательствами.

Он посмотрел на пустое кресло в первом ряду. Теперь оно занято. Лауреат на сцене. Следователь в зале. Два человека, связанные делом, которое нельзя доказать.

Церемония продолжалась. Ставицкий стоял у задней сте-

ны и наблюдал, как свет заливался со сцены, как Морозов кивает гостям, как принимает поздравления.

В зале пахло духами и дорогим табаком. В архиве пахло бумагой и пылью. В тюремной больнице пахло болью и ожиданием конца.

Ставицкий знал, что между этими запасами есть только одна связь. Евгений Валентинович Морозов. И этот человек стоял на сцене, принимая награду, пока закон молчал.

* * *

Аплодисменты стихали. Ставицкий остался у задней стены, пока гости двигались к буфету и выходили в фойе. В зале пахло духами, горячим кофе и тёплым воском от свечей на столах. Официанты в белых перчатках носили подносы с бокалами шампанского. Ставицкий не брал бокала. Он держал в кармане пиджака блокнот и ручку. Рука лежала на обложке, как на делах, которые нельзя завести.

На сцене ещё горели красные индикаторы пульта управления светом. Оркестр в углу зала подстраивал инструменты. Музыканты собирали ноты. Сцена оставалась частично освещённой, хотя главного нет, просто свет затих. Тяжёлый бархат занавеса был тёмно-красным. В архиве занавесов не было. Были только полки с делами, бумага, пыль и тишина. Здесь был свет, тени, движение людей, статус.

Официант прошёл мимо с подносом. Ставицкий не под-

нял глаза. Он смотрел на проход между креслами. Женщина в голубом платье смеялась, держась за руку мужчины в сером смокинге. Пожилый мужчина с тростью остановился у стола организаторов. Он смотрел на сцену, где Морозов ещё стоял у микрофона.

Морозов спускался со сцены. Охрана расступилась, но не отходила далеко. Мужчины в чёрных пиджаках без галстуков двигались синхронно, как отработанная команда. Морозов шёл к центру зала, принимая пожатия рук. У него не было галстука. Запах дорогого парфюма доходил до Ставицкого ещё до того, как они встретились взглядом.

Вдруг его рука коснулась локтя Ставицкого.

— Глеб Валентинович, — сказал Морозов.

Ставицкий обернулся. Морозов стоял в двух шагах. Тёмный костюм, белая рубашка, верхняя кнопка расстёгнута. Волосы аккуратно уложены. На левой руке часы с ремешком из кожи. На безымянном пальце кольцо с печатью.

— Евгений Валентинович, — сказал Ставицкий.

— Я слышал, что вы были в тюремной больнице сегодня, — сказал Морозов. — Вы приходили к Орлову. Я знаю.

Ставицкий ничего не сказал. Он посмотрел за плечо Морозова. Охранник у входа в зал сканировал публику. Частное агентство. Никаких полномочий. Только предупреждение.

— Орлов был больным человеком, — продолжил Морозов. — Двадцать лет в тюрьме не добавляют здоровья. Его смерть — это трагедия для системы, которая не смогла адап-

тировать его к свободе.

— Я не пришёл обсуждать здоровье Орлова, — сказал Ставицкий.

— А что же вы пришли обсуждать? — Морозов сделал шаг ближе. — На этой церемонии принято говорить о хорошем. О меценатстве. О будущем города.

— Я пришёл потому, что получил приглашение, — сказал Ставицкий.

— И потому, что хотите поговорить о деле, которое нельзя возбудить, — сказал Морозов.

Ставицкий заметил, как зрачки Морозова сузились. Не от ярости. От интереса. Как у человека, который наблюдает за насекомым под стеклом.

— Какое дело? — спросил Ставицкий.

— Дело о похищении. — Морозов кивком указал на выход. — Двадцать лет назад. Срок давности истёк. Вы знаете это лучше меня. Прокурор вам сказал. Я читал протокол отказа.

— Я не читал, — сказал Ставицкий.

— Вы получили устный отказ. Это то же самое. — Морозов рассмеялся. Тихо, без звука. — Вы стоите здесь, в моём зале, на моём празднике, и не можете ничего сделать. Закон стоит между нами, Глеб Валентинович. И он стоит на моей стороне.

— Закон стоит на стороне доказательств, — сказал Ставицкий.

— Доказательств нет, — сказал Морозов. — Бумаги сожжены. Посредник безымянный. Орлов унёс секрет в могилу. Что останется? Ваши подозрения. Подозрения не являются вещественным доказательством.

— Орлов называл ваше имя, — сказал Ставицкий.

— Орлов называл множество вещей. Он умирал. Люди на границе жизни и смерти часто фантазируют.

— Он был свидетелем, — сказал Ставицкий.

— Он был заключённым, отсидевшим двадцать лет за сокрытие трупа. Его слово не имеет статуса улики. Он не подлежит допросу. Он мёртв.

Морозов сделал ещё шаг. Между ними осталось меньше метра.

— Вы хотите меня арестовать, — сказал Морозов. — Я вижу по вашим глазам. Но у вас нет оснований. У вас нет статьи. У вас нет срока. У вас нет ничего, кроме имени в блокноте.

— У меня есть имя, — сказал Ставицкий.

— Имя без дела — это звук без эха, — сказал Морозов. — Вы понимаете разницу? Я понимаю. Поэтому я здесь. Поэтому я получаю награду. Поэтому город аплодирует мне.

— Город не знает всего, — сказал Ставицкий.

— Город знает то, что я хочу, чтобы он знал, — сказал Морозов. — Моя репутация безупречна. Мои фонды помогают детям. Мои парки открыты для всех. Мои награды висят на стенах министерств. Кто поверит следователю из ар-

хивного отдела? Кто поверит мёртвому заключённому?

— Я поверю, — сказал Ставицкий.

— Вы верите, потому что не можете забыть, — сказал Морозов. — Но личное не становится юридическим только потому, что вы хотите. Вы застряли в промежутке. Между тем, что вы знаете, и тем, что можете доказать.

— Я продолжаю работать, — сказал Ставицкий.

— Работайте, — сказал Морозов. — Работайте в рамках закона. Собирайте протоколы. Ожидайте экспертизы. Пишите рапорты. И помните: каждый ваш шаг — это моя репутация, которую я защищаю. Я не позволю вам поставить её под вопрос.

— Я не ставлю под вопрос, — сказал Ставицкий. — Я уточняю.

— Уточняйте, — сказал Морозов. — Уточняйте так долго, сколько закон позволит. А закон не позволит долго.

Он отхлебнул шампанского из чужого бокала, который кто-то протянул ему. Ставицкий не видел, кто протянул.

— У вас есть ещё время до закрытия банкета, — сказал Морозов. — Прогуляйтесь по залу. Посмотрите на гостей. Они здесь потому, что верят мне. Не вам.

Морозов повернулся и пошёл к столу организаторов. Охрана сомкнулась за его спиной. Ставицкий остался один у задней стены.

Он посмотрел на свои руки. Чистые. Без царапин. Без следов работы. Руки человека, который принимает отказы про-

курора и заносит имена в блокнот, который никогда не станет делом.

В зале снова зазвучала музыка. Легкая, струнная. Гости смеялись. Бокалы звенели. Ставицкий выдохнул. В лёгких остался холод от балкона, где он стоял до церемонии.

Он пошёл к выходу. Дверь вела в фойе. За стеклом город. Фонари. Тюремная стена вдали. Та же стена, которую он видел утром. Та же город. Два разных мира, разделённые законом.

Ставицкий вышел на улицу. Воздух был холодным. Он замер, глядя на окно зала. Через стекло было видно, как Морозов поднимает бокал. Как гости встают. Как свет льётся на его плечи.

Ставицкий знал, что между ними теперь не только закон. Конфликт стал личным. И закон был преградой, которую он не мог перешагнуть, не нарушив клятву.

Он остался у входа, пока не увидел, как машина Морозова уезжает от подъезда. Чёрный седан. Охрана впереди и сзади. Фары прорезали темноту.

Ставицкий вернулся в зал. На столах остались объедки и пустые бокалы. Официанты убирали. Музыка стихала.

Он подошёл к пустому креслу в первом ряду, где до сих пор лежала грамота Морозова. Бумага с позолоченной каймой. Подпись губернатора. Печать фонда.

Ставицкий взял грамоту в руки. Бумага была тёплой от света прожекторов. Он положил её обратно.

Ушёл.

Улица встретила его холодом. Ставицкий затянул воротник пальто и зашагал к припаркованному у бордюру «Форду». Машина стояла в тени фонаря, стёкла были затянуты инеем. Он открыл дверь, сел за руль. В салоне пахло старым тиском и остатками кофе из термоса.

На сиденье лежала записная книжка. Ставицкий открыл её на свежей странице. Чёрным карандашом были написаны фамилия, отчество, имя. Евгений Валентинович Морозов. Ниже — посредник в кожаном пальто, пять тысяч рублей, чёрный конверт без адреса. Больше ничего. Нет статьи. Нет срока. Нет вещественных доказательств.

Он посмотрел на окно зала. Светились люстры. Через стекло было видно перемещение гостей, блик бокала в руке Морозова. Машина мецената выезжала с парковки. Охрана впереди и сзади. Фары прорезали темноту, удаляясь от подъезда.

Ставицкий завел двигатель. Печка дула холодным воздухом. Он набрал номер Веры Корф.

— Алло, — отозвалась она. Голос был тихим, но ясным.

— Вера, это Глеб. Ты ещё в архиве?

— В комнате номер четыре. Ты уехал с вечера?

— Ещё нет. Стою у машины.

— Как Морозов?

— Усмехался, — сказал Ставицкий и выключил фары. — Говорит, что срок давности защищает его лучше, чем закон

защищает меня.

— Я знаю, — ответила Вера. — Я читала протокол отказа.

— Тогда ты понимаешь, почему я не могу его тронуть.

— Старый случай — нет. — Вера сделала паузу. — Но новые инциденты?

— Я не один в этом деле, Глеб.

— Я знаю. — Ставицкий посмотрел на тюремную стену вдалеке. Та же стена, что утром. — Закон стоит между нами. И он стоит на его стороне.

— Закон стоит на стороне того, что можно доказать, — сказала Вера. — Помни об этом.

Она отключилась. Ставицкий посмотрел на экран телефона. Темнота отразила его лицо. Уставшее лицо человека пятидесяти одного года, который приехал на праздник к подозреваемому и ушёл ни с чем.

Он тронул «Форд» и поехал по городу. Фонари Заречинска менялись друг за другом. Он проехал мимо театра, мимо фонда Морозова, мимо парка с новенькими лавками. Город аплодировал меценату. Город знал то, что тот хотел.

У входа в Особое архив свет ещё горел в комнате номер quatre. Вера сидела за столом, над ней горела лампа. Ставицкий не заходил. Он проехал мимо, оставив окно за спиной.

Дом был тихим. Квартира на третьем этаже. Ставицкий оставил куртку на стуле, прошёл на кухню. Налил воды из крана. Выпил стакан. Вода была холодной.

На столе лежала записная книжка. Он не внёс в неё ничего

нового. Закрыл обложку. Положил рядом с тарелкой.

Закон был преградой. Он не мог перешагнуть его, не нарушив клятву. Конфликт стал личным. Ставицкий будет работать в рамках закона. Он будет ждать следующего шага противника.

На улице за окном зашумели шины уезжающей машины. Ставицкий сел у стола, сложил руки и посмотрел в темноту. Утро придёт рано. В архиве остался том тринадцать. В блокноте осталось имя, которое нельзя использовать в обвинении.

Глава 4
Первое совпадение

Вера Корф оставила машину у поворота на грунтовую дорогу и пошла к месту происшествия. Дождь шел мелко, почти невидимо, но через десять минут воротник пальто промок насквозь. Она не открыла зонт. Руки нужно было держать свободными.

Перед ней располагался пустырь у реки, некогда принадлежавший кирпичному заводу. Сейчас здесь росли самосевные березы, кучи битого кирпича и одинокая сосна, высаженная, судя по тонкости ствола, не более пяти лет назад. Полицейская лента перетягивала просеку между бетонными плитами. Следственная группа уже осматривала территорию. Каждое движение следователей было отработано, ровно как и положено по инструкции, но в воздухе висело что-то иное — не обычное равнодушие инспекторов, а напряжение людей, понимающих, что перед ними не очередной бытовый инцидент.

Вера подошла к дежурному по осмотру.

— Корф, Вера Андреевна? — спросил он, не отрываясь от blocnota.

— Да, — сказала Вера. — Профайлер отдела архивных дел. Меня вызывал следователь Ставицкий.

— Белов. Веду осмотр. — Он протянул ей папку. — Протокол осмотра места происшествия. Личность установлена. Демчинов, Юрий Алексеевич, пятьдесят три года. Ранее сторожил склад, где в девяносто девятом году хранились вещественные доказательства по делу о похищении ученика школы номер семь.

— Отчего погиб? — спросила Вера.

— Официально — несчастный случай. Обморожение. Нашли утром у сосны. Нет признаков насилия, нет криминалистических следов чужого присутствия.

— Состояние тела?

— Тело лежало на боку, под головой был кусок черной ткани. Карманы пусты. Документов нет.

Вера взяла папку. Бумага была влажной по краям, чернила не размазались. Она прочла протокол от первой до последней строки, потом перечитала еще раз. Время обнаружения — шесть часов тридцать утра. Место — прибрежная полоса, бывшая заводская территория. Причина смерти — переохлаждение, возможно, в сочетании с сердечной недостаточностью. Экспертиза назначена. Осмотр conducted... проведен следователем Беловым и двумя оперативно-прибывшими сотрудниками. Зафиксированы следы обуви, их нет — были, но appartient… принадлежат сотрудникам. Ничего подозрительного.

— Кто нашел тело? — спросила она.

— Сторож с близлежащей базы. Сказал, шел по личным

делам, услышал стон, заглянул за сосну. Вызвал скорую, но человек уже не дышал.

— Стогн?

— Так он написал в объяснении. Позже передумал, сказал, что мог послышаться ветер. Люди пожилые, впечатлительные.

Белов пожал плечами. В его глазах читалось недоверие к собственным словам, но не к версиям, а к необходимости их фиксировать.

Вера отложила папку и направилась к сосне. Дерево стояло на возвышенности, рядом с ним виднелась вмятина в земле, как будто кто-то недавно лопатой разбивал мерзлую почву. Она присела на корточки, упираясь коленями в мокрую траву. Посмотрела на основание ствола. Хвоя была примята, образуя форму, напоминающую человеческий контур.

Она провела пальцем по земле под деревом. В полусгнившей хвое блеснул черный прямоугольник. Вера достала пинцет из набора и аккуратно извлек предмет. Конверт. Пустой. Без адреса, без печати… без печати… без печати, без надписи. Бумага плотная, черная, края аккуратно срезаны.

Она задержала дыхание. *То же самое.*

— Это что? — спросила она, поднимая конверт.

Белов подошёл ближе, заглядывая ей через плечо.

— Конверт. Пустой. Нашли у основания дерева. Никаких отпечатков.

— Кто нашел?

— Следователь-оперативник. Описал в протоколе как «инородный предмет». Не придали значения.

— А зря, — сказала Вера.

— На месте происшествия много инородных предметов. Бумажки, обертки, пакеты. Это не доказательство.

— Это деталь, — сказала Вера.

Она встала, отряхнула колени. Черный конверт она аккуратно положила в пакет с клеймом «Доказательство», подписала его от руки, передала одному из сотрудников.

— Тело перевезли в морг? — спросила она.

— Полчаса назад. Экспертиза в девять часов.

— Я хочу посмотреть протокол вскрытия, когда он будет готов.

— Вы профайлер, а не следователь. Вам не положено.

— Мне положено понимать, почему человек умер, — сказала Вера. — Особенно когда этот человек сторожил склад с уликами двадцатилетней давности.

Белов нахмурился.

— Вы знали Демчинова?

— Нет. Но я знаю дело. В девяносто девятом году похитили подростка. Тело нашли через месяц, скрытое под сосной. При себе у покойного не было документов. Был пустой черный конверт. И фрагмент черной ткани.

Она посмотрела на Белова. Он молчал, но губы его слегка разжались.

— Вы говорите, что это повторение? — спросил он.

— Я говорю, — сказала Вера, — что кто-то хочет, чтобы мы вспомнили старую историю. И сделать это максимально точно.

— Зачем?

— Чтобы показать, что помнит. Или чтобы исправить ошибку двадцатилетней давности.

— Вы говорите о Морозове?

— Я говорю о человеке, который знал, где пряталось тело в девяносто девятом году. И кто имел доступ к вещественным доказательствам до их уничтожения в две тысячи десятом году.

— Морозов тогда не был причем. Его даже не допрашивали.

— Нет, — сказала Вера. — Но его черная «Волга» стояла у подъезда того же склада. И его водитель носил кожаное пальто.

Белов покачал головой.

— Это совпадения. Город полон черных машин и кожаных пальто.

— Город полон совпадений, пока они не начинают повторяться в точности, — сказала Вера. — Тело под сосной. Черный конверт. Отсутствие документов. Обморожение на открытом воздухе. В старом деле подростка тоже оставляли под сосной, и тоже в холоде.

— В старом деле тело нашли через месяц. Здесь — через ночь. Разница существенная.

— Разница в том, что в старом случае прятали, чтобы тело нашли позже. А здесь — чтобы нашли сразу. Зеркальное отражение. Инверсия.

Она обвела рукой пустырь.

— Кто-то inscenirovал… инсценировал несчастный случай, используя детали старого преступления. Этот человек работал с архивом. Или имел к нему доступ. Или знал того, кто работал.

— Вы подозреваете кого-то конкретного?

— Я подозреваю, — сказала Вера, — что за этим стоит человек из ближнего круга Морозова. Только такой человек мог знать, как именно пряталось тело двадцать лет назад, и мог повторить это сегодня, не оставив следов.

Белов посмотрел на сосны, на серую реку, на ленту, трепещущую от ветра.

— У нас нет статьи. У нас нет трупа с признаками преступления. У нас есть пожилой сторож, который мог сам уйти в лес и замерзнуть.

— Лес, — поправила его Вера. — Пустырь. Не woods.

— Вы понимаете, что я имею в виду.

— Я понимаю. И я понимаю, что вы не хотите открывать дело, потому что тогда придется признать, что случайность — не случайность.

Белов молчал.

— Вы можете не верить мне, — сказала Вера. — Но когда экспертиза подтвердит, что Démichnov… Демчинов не мог

сам дойти до этой сосны в своем состоянии, вы придёте ко мне. Или к Ставицкому.

— Ставицкий уже пытался открыть старое дело. Ему отказали. Срок давности.

— Старое дело — это одно. Новое — другое. Срок давности по обморожению еще не истек.

Она повернулась к машине. Дождь начался… усилился, капли били по капоту «Форда», по козырьку сумки, по её волосам. Вера достала телефон. Экран был влажным, она вытерла его ладонью.

— Куда вы едете? — спросил Белов.

— В архив, — сказала Вера. — Сравнивать протоколы.

— Вы найдете там только бумагу. Бумагу и отказы.

— Бумагу и закономерности, — ответила она. — А#… а закон — это то, что можно доказать. Пока я не смогу доказать связь, это останется протоколом осмотра. Но протокол уже говорит о многом.

Она села в машину, закрыла дверь. Дождь застучал по крыше. Вера положила руку на руль, не зажигая двигателя. Глаза упирались в лобовое стекло, сквозь которое было видно белую плащевку темперамента… нет, плащевку Белова, стоящего у ленты.

Зеркало, подумала она. *Он хочет, чтобы мы увидели себя в старом преступлении.*

Она завела двигатель. Печка дула холодным воздухом, как и в машине Ставицкого три дня назад. Вера посмотре-

ла на записную книжку, лежащую на сиденье. В ней были фамилии из архива: Орлов, Колпаков, Морозов. И теперь — Démichnov. Демчинов. Пятьдесят три года. Сторож. Умер под сосной.

Она провела пальцем по обложке блокнота, затем заставила себя отвести взгляд. Нужно было ехать. Нужно было сравнивать. Нужно было понять, кто именно из окружения Морозова знал о сосне и о черном конверте.

Вера тронулась с места. Колеса заскрипели по мокрому грунту. Машина выехала на шоссе, в сторону Заречинска, в сторону архива, в сторону комнаты номер четыре, где еще горел свет и где ждали тома с делами двадцатилетней давности.

За стеклом проносились фонари, дома, остановки. Город засыпал под дождем, не подозревая, что старый том только что обрел новую страницу.

* * *

Вера вошла в комнату номер четыре, когда стрелки на стенных часах уже приближались к полуночи. Дождь по-прежнему барабанил по окнам, а внутри пахло старым бумажным клеем, пылью и тишиной, которую нарушал только гул вентилятора над шкафами. На столе горела зелёная лампа с потускневшим абажуром. Вера поставила на стопку протоколов пакет с клеймом «Доказательство», в котором лежал

чёрный конверт, и подошла к шкафу с делами двадцатилетней давности.

— Вы опять здесь, — раздался голос из-за стеллажа.

Вера обернулась. На пороге стояла Наталья Владимировна, дежурный по архиву, в вязаном кардигане и очках на цепочке. В руках она держала журнал регистрации.

— До утра, — сказала Вера.

— Вас предупреждали не возвращаться.

— Предупреждали. И я вернулась.

Наталья Владимировна Schritte к столу, поставила журнал, окинула взглядом пакет.

— У вас нет допуска к закрытому тому после девяти вечера. Инструкция ясная.

— У меня есть ключ. И есть дело.

— Дело архивное. Срок давности истёк. Вы знаете это лучше меня.

— Новое дело ещё не истекло. Конверт, который я нашла сегодня ночью, относится к нему.

Наталья Владимировна нахмурилась, но не приблизилась.

— Конверт. Бумажка. На месте происшествия их десятки.

— Этот не любой. Он пустой. Без адреса. Без печати. Края срезаны ножницами, а не порваны. Именно такой нашли под сосной в девяносто девятом году. Именно такой изъяли у Орлова по акту изъятия вещественных доказательств.

— Вы говорите о томах, которые уже направлены на уничтожение.

— Я говорю о том, что уничтожение не было полным, — сказала Вера. — Или кто-то положил новый конверт, старый образец.

Наталья Владимировна вздохнула и проговорила почти шёпотом:

— У нас нет статьи. У нас нет трупа с признаками преступления. У нас есть пожилой сторож, который мог сам уйти в лес и замерзнуть.

— Лес, — поправила Вера. — Пустырь. И сторож Демчинов не мог дойти до сосны в своём состоянии. Это нужно проверить.

— Проверять будете вы или следователь? — спросила Наталья Владимировна.

— Я покажу протокол экспертизы, когда он будет готов. А пока хочу сравнить.

Наталья Владимировна посмотрела на лампу, на пакет, на Веру.

— Вы понимаете, что если здесь что-то найдётся, вам придётся отвечать за нарушение режима?

— Я понимаю, — сказала Вера. — И я беру это на себя.

Наталья Владимировна кивнула, как будто приняла решение, и развернулась к двери.

— Свет выключите, когда уйдёте. Дверь прикройте на защелку. И не зовите меня в качестве свидетеля.

— Не зову, — сказала Вера.

Дежурный вышла. В комнате остался только гул вентиля-

тора и стук дождя по стеклу.

Вера открыла пакет, надела перчатки и извлекла конверт. Бумага была плотной, чёрной, с аккуратными срезами. Она положила его рядом с томами дела Орлова и открыла второй том, том тринадцать, на протоколе осмотра места нахождения тела девяносто девятого года.

В протоколе, подписанном следователем Колпаковым, чёрный конверт значился как «изъятый при обыске, место хранения — вещестдок». В акте 2010 года стояла пометка: «Уничтожено по истечении срока хранения». Росписи ставил следователь Колпаков, секретарь отдела и водитель служебного автопарка, доставивший коробки на свалку.

Вера уставилась на фамилию водителя. Она вынула из кармана записную книжку, где уже были фамилии: Орлов, Колпаков, Морозов. И теперь — Демчинов. И ещё одна, которую она только что увидела в журнале акта уничтожения: Беляков Анатолий Петрович.

Она достала телефон и набрала номер Ставицкого. Вызов шёл долго. Гудки отдавались в пустой комнате.

— Алло, — голос Ставицкого был хриплым, как будто он только проснулся или ещё не лёг.

— Глеб, я в архиве. Нашла конверт.

— Какой конверт?

— Чёрный. Пустой. На месте смерти Демчинова, под сосной. Такой же, как в старом деле. Такой же, как у Орлова.

— Ты уверена?

— Я сравнила с протоколом 2004 года. Бумага, срезы, отсутствие надписей. Совпадение полное.

— Вера, срок давности...

— Срок давности по старому делу. Но Démichnov… Демчинов умер сегодня. Это новое преступление. И конверт — улика.

— Улика против кого?

— Против человека, который знал, как пряталось тело двадцать лет назад. Против человека, который имел доступ к вещественным доказательствам до их уничтожения.

— Кого ты имеешь в виду?

— Водителя. Белякова Анатолия Петровича. Он доставил коробки на свалку в две тысячи десятом году. В девяносто девятом году он возил Морозова на чёрной «Волге». Его видели у склада, где хранились улики. Его пальто было кожаным.

— Ты строишь цепочку из совпадений, — сказал Ставицкий. В его голосе не было злобы, только усталость.

— Я строю цепочку из повторений, — ответила Вера. — Тело под сосной. Чёрный конверт. Отсутствие документов. Обморожение. Старое дело прятало тело, чтобы найти позже. Новое представляет тело, чтобы найти сразу. Зеркальное отражение.

— Инверсия, — повторил Ставицкий.

— Да. И этот человек из окружения Морозова. Только он мог знать детали, которые не попали в прессу.

— Ты хочешь сказать, что Морозов заказал новую смерть?

— Я не знаю, заказал ли он. Я знаю, что кто-то из его ближнего круга воспользовался старым сценарием. И сделал это так, чтобы мы вспомнили.

Вера замолчала. В трубке слышалось только дыхание Ставицкого.

— Ты в архиве одна? — спросил он.

— С дежурным. Она ушла.

— Не выходи одна. Подожди меня.

— Не нужно. Я всё зафиксирую. И сделаю копии протоколов.

— Копии нельзя выносить из архива.

— Я не вынесу. Я запишу.

— Вера.

— Что?

— Будь осторожна. Ты начинаешь видеть закономерности там, где их может не быть.

— Или там, где они есть, — сказала Вера и положила трубку.

Она посмотрела на экран. Телефон погас. Вера снова открыла том тринадцать. Нашла страницу с фотографиями места нахождения тела подростка. На одном из снимков — чёрный конверт у корней сосны. На другом — фрагмент чёрной ткани. Подпись под снимком гласила: «Конверт передан на экспертизу, последующий учёт отсутствует».

Вера закрыла том и открыла первый том дела. Там была

запись о заправке чёрной «Волги», зарегистрированной на Морозова Е.В., в ночь исчезновения подростка. Сотрудник ДПС, составивший постановление, отметил: «Автомобиль находился в районе промышленной зоны, где позже было обнаружено тело». Водитель не указывался в графе «управляющий», только марка и цвет.

Она провела пальцем по строке. Потом достала из ящика стола справочник по личным делам сотрудников, когда-либо привлекавшихся к ведению вещественных доказательств. Она не должна была это делать, но ключ от ящика был на месте, где она его оставила утром.

Беляков Анатолий Петрович. Водитель служебного автопарка. В две тысячи четвёртом году принимал участие в транспортировке вещественных доказательств дела тринадцать. В две тысячи десятом году — в уничтожении. После увольнения из архива устроен в охранное агентство, обслуживающее здания, принадлежащие фонду Морозова.

Вера закрыла папку. Её рука не дрожала. Она просто смотрела на фамилию, пока дождь не немного стих, и звук вентилятора не стал казаться громче.

Вот оно. Связь. Не прямая, не доказательство, но связь. Человек, который носил кожаное пальто, стоял у подъезда склада, возил чёрную «Волгу» Морозова, участвовал в уничтожении улик и теперь работал в охране фонда, чей владелец двадцать лет назад похитил подростка.

Демчинов, сторож на складе с уликами, умер под сосной.

С конвертом. Как в старом деле.

Вера достала чистый лист и ручку. Написала:

«Беляков А.П. Водитель, затем охранник. Связь с Морозовым Е.В. через транспорт и охрану объектов. Участвовал в уничтожении вещественных доказательств дела 13 в 2010 году. Окружён деталями старого преступления: кожаное пальто, чёрная машина, доступ к складу. Подозревается в организации инсценировки смерти Демчинова, использующей метод скрытия тела 1999 года.»

Она отложила ручку. Подняла конверт, снова положила в пакет, запечатала. Написала на пакете номер протокола осмотра, дату, свою фамилию. Поставила на полку с делами, которые нужно передать следователю.

— Утром, — сказала она вслух пустой комнате. — Утром я отнесу это Ставицкому. Или пойду в ДПС. Зависит от того, что скажет экспертиза.

Наталья Владимировна предупреждала её о нарушении режима. Ставицкий предупреждал о закономерностях. Вера думала о том, что новый конверт был положен не чтобы скрыть, а чтобы показать. Чтобы следователь и профайлер увидели старую историю и поняли: человек, который стоит за этим, помнит каждую деталь. И он хочет, чтобы они знали, что он помнит.

Она выключила лампу. Комната погрузилась в темноту, нарушаемую только светом фонарей за окном и миганием дождя на стекле. Вера надела пальто, взяла сумку и пошла

к двери. На пороге она остановилась, чтобы проверить, не оставила ли она перчаток на столе.

Перчатки лежали рядом с томом тринадцать. Вера взяла их, вытерла о ладонь и вернула в карман. Потом открыла дверь и вышла в коридор, где пахло мылом и сыростью. Свет в комнате номер четыре погас за её спиной.

За окном Заречинск спал под дождем, не зная, что в архиве только что открылась новая страница старого тома. И что за этой страницей стоит человек, который давно считал себя безопасным.

Вера спустилась по лестнице, держась за поручень. Её шаги эхом отдавались в пустом подъезде. Она не оборачивалась.

Глава 5
Истекший срок

Старший следователь Особого архива Глеб Ставицкий оставил машину у подъезда прокуратуры и поднялся по лестнице, держа в руке узкую папку. Внутри — копия протокола допроса Орлова, справка из тюремной больницы, выписка из дела тринадцать и его личная записная книжка, где фамилия Евгения Валентиновича Морозова была внесена вчера вечером. Дождь моросил уже третий день, и асфальт у входа блестел, как мокрый уголь. Капли забивались в щели между плиткой, и он обтер подошвы о коврик, прежде чем войти.

В холле пахло старым ковролином, тонером и слабым ароматом дешевого кофе из автомата в углу. За дежурным столом сидела женщина в темном костюме, которая посмотрела на его удостоверение без интереса и кивнула в сторону кабинета номер восемь.

— Прокурор на приеме. Пройдите.

Ставицкий прошел по коридору. Стены были выкрашены в бледно-зеленый цвет, который в тени выглядел почти серым. На полу скрипели линолеумные плиты под его ботинками. На стене висел график приема граждан, заламинированный, с затертыми уголками. Дверь кабинета была приоткрыта. Он постучал костяшками пальцев и вошел, не дожи-

даясь ответа.

За столом сидел мужчина в костюме серого цвета, с редеющими волосами и очками на переносице. Перед ним лежала стопка дел, и лампа на столе освещала только бумаги, оставляя лицо в тени. На стене висели часы с белым циферблатом. Стрелка беззвучно ползла к одиннадцати.

— Глеб Ставицкий, старший следователь Особого архива, — сказал Ставицкий, представляясь. — Я пришел по делу тринадцать. Делу о похищении подростка девяносто девятого года.

— Садитесь, — произнес прокурор, не поднимая глаз. — Что там нового в старом деле?

Ставицкий сел на стул напротив. Положил папку на стол. Провел пальцем по коже обложки. Кожа была потерта по краям, как и его собственные ладони после долгих часов за протоколами.

— Умерший заключенный Леонид Давыдович Орлов, отбывавший срок за сокрытие тела похищенного, оставил показания перед смертью. В них он называет заказчика похищения. Евгения Валентиновича Морозова.

Прокурор наконец поднял взгляд. Очки слегка скользнули по носу. Он поправил их кончиком пальца.

— Морозов? Меценат? Тот самый, который вчера получил награду?

— Тот самый, — сказал Ставицкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.